

Ночь прошла без снов.

На рассвете, несмотря на отсутствие каких-либо помех, я, по привычке, проснулся рано. Сев на кровати, я оглядел комнату: три другие койки были аккуратно заправлены, а Акшары не было видно — в комнате я остался один. Откинув тонкое одеяло, я спрыгнул с кровати и направился в ванную. В душе я невольно отметил: не зря говорят, что это гостиница для важных персон — отопление здесь работало на славу. Хотя на мне были только нижнее бельё, я нисколько не чувствовал ледяного холода московского утра.

Закончив умываться, я вышел из ванной и заметил, что комната всё ещё пуста. Я взял военную форму, лежащую у изголовья кровати, и начал одеваться, собираясь сначала позавтракать в столовой, а затем найти полковника Королёва, чтобы выяснить, зачем нас привезли в Москву. В конце концов, сейчас военное время, ситуация в Ленинграде остаётся крайне напряжённой, и то, что столько офицеров разом вызвали в Москву, явно указывает на какое-то важное дело.

Пока я надевал форму, Акшара спиной толкнула дверь и, держа в руках поднос, задом вошла в комнату. Увидев, что я одеваюсь, она с лёгким удивлением сказала:

— Товарищ командир, вы уже встали! А я как раз собиралась вас будить.

— Да, Акшара, — отозвался я, называя её по имени и вежливо улыбнувшись. — Только что поднялась, собираюсь в столовую на завтрак.

— Не стоит беспокоиться, товарищ командир, — ответила она. — Я уже принесла вам завтрак.

Она поставила поднос на стол. Я разглядел, что на нём лежат две тарелки с картофельным пюре, четыре ломтя чёрного хлеба, чайник, два маленьких хрустальных стакана, небольшая тарелочка с кусковым сахаром, а также вилка, нож и салфетка.

— Спасибо, дорогая, — поблагодарил я.

Порция завтрака была откровенно скудной. Я в несколько глотков опустошил тарелку с пюре и принялся за хлеб. Чёрный хлеб был уже несвежим, кислым и твёрдым — его было трудно жевать. Я взял чайник, разлил чай по двум стаканам и, из вежливости, спросил:

— Сколько сахара положить? Один кусок или два?

— Два, — ответила она, доедая своё пюре. Услышав мой вопрос, она поспешно проглотила еду

и, слегка занервничав, добавила: — Я люблю послаще.

Я положил в её стакан два куска сахара и маленькой ложкой аккуратно размешал, дождавшись, пока сахар полностью растворится, прежде чем передать стакан Акшаре.

— Спасибо, — сказала она, взяв стакан и сделав большой глоток, после чего снова принялась за еду на своей тарелке.

Я взял кусок сахара с блюдца, но вместо того, чтобы положить его в чай, засунул его в рот и, сделав глоток чая, стал неспешно наслаждаться сладким ощущением, пока сахар медленно таял на языке.

— Товарищ командир, — внезапно позвала меня Акшара. — Можно задать вам вопрос?

Я посмотрел на неё, улыбнулся и кивнул:

— Конечно, спрашивай.

— Ваш муж, тот, кого зовут Осянин, где он сейчас? — её слова снова напомнили мне, что я теперь в роли замужней женщины. Этот Осянин, о котором я даже не знаю, как он выглядит, неизбежно остаётся в центре внимания всех, кто меня знает. Поколебавшись, я решил, что этот вопрос всё равно не обойти, вздохнул и ответил:

— Он был капитаном на пограничной заставе. Вскоре после начала войны он пропал без вести.

Услышав это, Акшара посмотрела на меня с искренним сожалением и сказала:

— Простите, товарищ командир, мне не стоило затрагивать эту тему.

Я поправил несколько прядей волос у виска и горько усмехнулся:

— Ничего страшного, сейчас же военное время. — Сделав паузу, я добавил: — Акшара, а нельзя ли в будущем не называть меня всё время «товарищ командир»? Да, моё звание выше твоего, но в неформальной обстановке это звучит как-то неловко. Зови меня, как другие друзья, просто Рита. И давай на «ты», без лишних церемоний.

— Хорошо, Рита! — с готовностью согласилась она.

Я поднял взгляд и вдруг заметил на стене шинель с отчётливо выделяющимися полковничьими погонами. Только тогда я вспомнил, что приехал в Москву с пустыми руками, без единого сменного комплекта одежды, не говоря уже о чём-то тёплом. Шинель Королёва сгодились бы

на вечер, чтобы согреться, но разгуливать в ней днём по городу — это уже слишком вызывающе. Поколебавшись, я немного смущённо спросил:

— Акшара, у тебя нет лишней шинели?

— Шинель?! — Акшара на мгновение замерла, но тут же ответила: — Конечно, есть! У меня их целых две.

Я, немного смущённо, спросил:

— Не могла бы ты одолжить мне одну?

Услышав мой вопрос, она с удивлением воскликнула:

— Разве у тебя нет своей шинели?

Я почувствовал, как щёки заливает краска, и, запинаясь, объяснил:

— Вчера, когда ехала в Москву, всё было так поспешно, что я не взяла с собой никакого багажа. Октябрь в Москве, конечно, ещё не приносит снега, но уже ощущается как зима. А на мне до сих пор летняя форма, которая совсем не греет. Если бы вчера добрый полковник не одолжил мне свою шинель, я бы, наверное, уже окоченела.

Выслушав меня, Акшара тут же подбежала к стенному шкафу, открыла дверцу и достала оттуда серую шинель. Повернувшись ко мне, она сказала:

— Это шинель Ины. Можешь взять её.

Я принял шинель из её рук и, между делом, спросил:

— Ты уверена, что Ина не будет против, если я возьму её вещь?

— Нет, не будет, — ответила она, и её глаза внезапно покраснели. — Ина погибла.

— Как?! — я был ошеломлён и невольно уточнил: — Как это произошло? — Я не мог поверить, что в такой строго охраняемой гостинице, где всё кажется безопасным, могли случиться потери.

Сдерживая слёзы, она ответила:

— Неделю назад у Ины заболела мать. Ина отпросилась у политкомиссара гостиницы, чтобы навестить её. Но, проезжая через улицу Гончарная, она попала под авианалёт и погибла.

Гончарная — знакомое название. Услышав его, я тут же вспомнил Катю, тяжелораненую девушку из ленинградского госпиталя, которая умерла от ран. Я обещал передать весточку её семье. Возможно, о её гибели уже сообщили родственникам через гражданские службы, но я не забыл своего обещания. Раз уж я оказался в Москве и у меня будет свободное время, я обязательно отправлюсь на улицу Гончарная, найду её семью и расскажу им всё о Кате.

— Ай! — внезапно вскрикнула Акшара, заставив меня вздрогнуть. Она указала на настенные часы и продолжила: — Когда я несла завтрак, меня остановил один полковник и попросил передать, чтобы ты через полчаса была у входа в гостиницу. А прошло уже двадцать пять минут! Если не поторопишься, опоздаешь!

Этот полковник, без сомнения, был Королёв. Он ждёт меня на улице, и я не могу позволить себе опоздать. Я перекинул обе шинели через левую руку, попрощался с Акшарой и, распахнув дверь, быстро вышел из комнаты.

В коридоре было оживлённо: навстречу то и дело шли офицеры. По уставу младший по званию должен отдавать честь старшему. Я невольно подумал: только в столице понимаешь, насколько твоё звание невелико. Все, кого я встречал, были выше меня по чину, и мне приходилось при каждом шаге поднимать руку, чтобы отдать честь. Так, на пути к главному входу гостиницы, моя правая рука без устали поднималась и опускалась, механически повторяя жесты приветствия.

Наконец, добравшись до входа, я увидел знакомую фигуру полковника Королёва, стоявшего рядом с автобусом. Меня охватило чувство облегчения, словно я выбрался из тяжёлого испытания. Я ускорил шаг и крикнул:

— Доброе утро, дядя Павел!

Услышав мой голос, Королёв обернулся, улыбнулся и помахал мне рукой:

— Доброе утро, Рита! Быстрее, садись в автобус, мы сейчас отправляемся!

<http://bllate.org/book/16020/1429214>